

За минувшую седмицу ответ уважаемого Оппонента от старообрядцев на мое сообщение, которое я огласила на минувших Рождественских чтениях http://www.oldrpc.ru/Zametki_Po_Ustavu_-_Doklad.pdf, достиг внушительного объема:

- вводная часть, а также о том, что после Апостола и перед ним ("Псалом Давыдов, аллилуия" и слово "прокимен"), а также о "метаниях" или отсутствии оных посреди эксапсалмов: <http://o-apankratov.livejournal.com/458523.html>

- о местоположении 9-го часа относительно литургии: <http://o-apankratov.livejournal.com/459220.html>

- о начальных обеденных антифонах и псалмах: <http://o-apankratov.livejournal.com/459347.html>

- о гласном поминовении на Великом входе: <http://o-apankratov.livejournal.com/459569.html>

- об "Аллилуии" после причастия: <http://o-apankratov.livejournal.com/459779.html>

- о завесе Царских врат на архиерейской литургии, наонном и наречном пении + заключение: <http://o-apankratov.livejournal.com/460175.html>

АЛАВЕРДЫ

Ответ моего Оппонента озаглавлен так: **«Реконструкция на основе индивидуального изыскания или следование живой традиции?»** Суть его заключается в отстаивании правильности и полной каноничности богослужения старообрядцев-поповцев, которое, по убеждению Автора ответа, полностью лежит в русле древнерусской традиции и (с честью!) несет на себе благословение дораскольных московских патриархов.

Напомню, поводом для моего сообщения стала ситуация в старообрядных приходах МП, когда возникающие по ряду уставных вопросов недоумения требуют скорейшего разрешения. С этой задачей желательно было бы справиться, опираясь на всю полноту дораскольного же церковного Предания, а также учитывая живую традицию богослужения старообрядцев разных согласий. Это подход я назвала реставрацией древнерусских традиций эпохи иерусалимского устава (о чем-то ином говорить не приходится, поскольку непрерывной традиции у нас, нужно признать, нет). Собственно, основной посыл моего доклада, адресованного единоверцам, в этом и состоял: нужно планомерно исследовать источники, а результаты — публиковать, обсуждать и вводить в практику.

По вопросу о Предании мы с моим Оппонентом, кажется, сошлись во взглядах. Он пишет: **«В традиционных христианских сообществах подобные недоумения разрешаются следованием складывавшейся веками богослужебной практике, представляющей собой сочетание книжных указаний и живого Предания»**. Но какие же, собственно, источники составляют литургическую сторону церковного Предания — в дополнение, разумеется, к существующим живым традициям старообрядцев, без которых, действительно, не обойтись? Думаю, что не вызову у Автора ответа новых возражений, сказав, что это — печатные и рукописные книги, причем не только издания и рукописные экземпляры Устава, Служебника и Потребника, но и различные Обиходники, Чиновники, местные монастырские и соборные уставы, затем — четьи книги, содержащие в себе

описания церковных служб, конечно же, певческие рукописи, которые содержат в себе массу уставной информации как в самом составе песнопений, так и в специальных уставных ремарках, а также ненотированные богослужебные книги, которые тоже изобилуют уставными рубриками. Все их нужно рассматривать в сопоставлении друг с другом, с учетом исторического контекста и возможных внешних (т. е. политических) причин, вызвавших появление в богослужебных чинах тех или иных изменений и, как следствие, разночтений в источниках.

Однако моего Собеседника покорило, что я употребляю слово «реставрация» применительно к церковной службе: **«О возможности применения в данной сфере самого понятия “реставрация”, а также о некоторых её принципах, будет сказано ниже, в резюмирующей части комментариев»**. Тем не менее, с необходимостью реставрации столкнулись в свое время и старообрядцы: на рубеже 17—18 веков они, в лице принятых ими в общение попов нового поставления, реконструировали после перерыва почти в полстолетия чин Божественной Литургии, а в 19 веке — восстанавливали также и архиерейский вариант.

Скажут: вот вы и могли бы теперь заимствовать опыт РПСЦ. Отвечу: так и было бы, будь мы уверены в полной укорененности старообрядческой практики в Предании. К сожалению, это не так: далеко не всегда на поверку эта практика оказывается вершиной русского литургического творчества, достигнутой путем естественного поступательного развития (в докладе есть тому несколько примеров). Однако мой уважаемый Оппонент с горячностью берется доказывать обратное — и вместо этого весьма четко и недвусмысленно излагает свою (или общую старообрядческую?) позицию.

Стремясь опровергнуть приводимые мною аргументы, уважаемый Ревнитель старообрядческих порядков апеллирует к довольно **ограниченному кругу источников**, притом **однотипных** — а именно к **печатным** изданиям 1-й половины 17 в., заявляя об их несомненном преимуществе перед рукописными аналогами: печатные книги ведь являются плодом работы справщиков! Тем не менее, он с легкостью оставляет без удовлетворительного объяснения внутренние противоречия и нестыковки печатных книг. Так, по вопросу о месте 9-го часа в непостные дни я не нашла в ответе никакого объяснения насчет указания «Ока» на Рождество Христово: «Поём час 3-й и 6-й. 9-й час поется по совершении Литургии» (л. 358). Правда, расхождения между Уставом и некоторыми чтениями Часослова изд. 1652 г. Автор ответа не может не признать: **«Ремарки же относительно совершения литургии то после 6-го часа, то после 9-го, могли быть, как нередко бывало в древней рукописной и старопечатной книжности, просто механически скопированы с какого-то более раннего источника»**. Но ведь эти-то недоработки справщиков (трудно в указанных в моем докладе разночтениях видеть что-то иное) и ставят под сомнение безусловный авторитет печатных книг, заставляя относиться к ним столь же испытующе, как и к рукописям.

Но, как выясняется далее, для моего Оппонента определяющим является не укорененность той или иной богослужебной особенности в дораскольской традиции, а **наличие официального патриаршего (дораскольского) благословения, а еще лучше — соборного постановления**. Поэтому, исчерпав научные аргументы, он неоднократно прибегает в своем ответе к, так сказать, «силовому приему», указывая, например, что печатные Служебники были благословлены **«Московскими патриархами дораскольского времени к употреблению во всей Русской Церкви»**, а **«Служебник 1651 года... напечатан по благословению того самого Собора, на который писал записку царь Алексей»**. Не стану спорить, соборное (но никак не авторитарное!) рассмотрение уставных особенностей необходимо. Но история знает немало случаев, когда постановления церковных соборов принимались под влиянием политики, борьбы различных партий — т. е., собственно, внешних, посторонних факторов. В результате

такие решения иногда оказывались ошибочными и даже отменялись впоследствии. Критерием же истинности во всех подобных случаях было, есть и будет — церковное Предание во всей полноте. Поэтому приведенные реплики моего Оппонента выглядят попыткой бегства с поля научной дискуссии под видом всецелого послушания священноначалию.

Но тогда огромный вопрос: каким образом нынешние старообрядцы определяют, что постановлений собора 1651 года (о единогласии, «живой» проповеди» и проч.) , принятых под давлением «кружка боголюбцев», слушаться нужно, а постановлений соборов 1654 г. (о необходимости справки) и 1655 г. (о принятии следующего ряда «новин»), проведенных тогда еще законным патриархом Никоном, — нет? Как известно, в 17 веке часть приверженцев «древлего благочестия» не приняла их все как нарушающие Предание (о чем, в частности, свидетельствовали известные нестроения). Но сторонники «боголюбцев» трактовали ситуацию по собственному усмотрению: пока речь шла о соборном утверждении их идей, они были «за», когда же бывший соратник, а теперь патриарх Никон взял собственный курс — стали «против». Объективности маловато, но зато ведь потомкам-поповцам проще...

Ну, и пункт нашей полемики, который вообще производит странное впечатление: мой Оппонент попросту **отказывается принимать во внимание данные рукописных источников как ненужные**, коль скоро в его распоряжении имеются те самые печатные благословленные книги. (Чтобы «лишних» мыслей не возникало? попутно спрошу старообрядческого Апологета: *почему все-таки на Сретение поповцы на малом входе не ограничиваются входным стихом «Сказа Господь», а поют еще и «Приидите поклонимся»? ведь в Уставе сказано: «...потом [после входного стиха] тропарь празднику, Слава и ныне, кондак празднику».*)

Свидетельство певческого Обихода об отсутствии перерыва для гласного поминовения при пении Херувимской (см. *Прибавление*) мой Оппонент легко обходит — причем демонстрируя весьма досадную неосведомленность об источниках такого рода: Автор ответа приводит фрагмент певческих Обиходов ГАТО. Ф. 1409. № 1044 и РГБ. Ф. 354. № 144 и называет их **«немногими сохранившимися древнерусскими рукописями, содержащими песнопения литургии»**. Но, как можно убедиться, повнимательнее изучив хотя бы содержимое сайта Троице-Сергиевой Лавры, или же посетив какое-либо рукописное хранилище, мы, к счастью, располагаем целым пластом дораскольных рукописей, содержащих песнопения Божественной Литургии. Все они излагают Херувимскую единственным способом: без перерыва на гласное поминовение, но на три статьи, которые отражают музыкальную структуру песнопения. Иногда с ними связывается момент начала «переноса» и его окончания. (К слову: уникальность указанных рукописей ГАТО и РГБ — в другом: будучи дораскольными, они содержат степенные и указательные пометы и поэтому позволяют достоверно прочитывать напев.) Что же касается перерыва в пении и гласного поминовения, то известно, что он возник еще в 16 веке, в русле практического проведения концепции «Москва — третий Рим» и возвеличивания царской власти (т. е. даже раньше, чем пишет мой Оппонент. Я, кстати, в тексте доклада и не привязываю введение перерыва в пении Херувимской ко времени раскола, а только говорю о сравнительно позднем его появлении). Но суть в другом: оправдана ли эта вставка сегодня, или все же лучше отойти от точки зрения, будто бы богослужение — вполне возможный инструмент для удовлетворения политических амбиций? да и царя на Руси теперь нет...

Но, дабы оживить параграф, посвященный пению Херувимской, уважаемый Апологет старообрядчества вводит в текст своего ответа весьма драматическую сцену расстрижения патриархом Никоном муромского протопопа Лонгина, а также еще один пассаж из «Жития протопопа Аввакума», и, кроме того, пользуется случаем, чтобы

просветить возможного неискушенного читателя сведениями о принятом у старообрядцев-поповцев порядке поклонов на Херувимской. В общем, типичный публицистический прием.

С «неудобными» свидетельствами собственно уставных источников, происходящих из Соловецкого монастыря и Троице-Сергиевой лавры, он также поступает весьма по-блоггерски: пытается их «пакетно» скомпрометировать, а затем — конечно же! свести все дело к тем же печатным книгам, вовремя снабженным подобающим благословением (совсем худо, видно, Русская Церковь жила до начала книгопечатания... А благословения после учреждения патриаршества давались, в целом, на каждый тираж, т. е. по мере необходимости).

Соловецкие богослужебные обычаи мой Оппонент характеризует исключительно как локальное явление, которое *«отражает некий обычай конкретной обители»*. На мой взгляд, не стоило бы все же высказываться столь решительно: вполне вероятно, что отдаленная обитель сохраняла более древнюю практику, чем та, что зафиксирована в московских печатных Службниках — в частности по вопросу формулы возгласения аллилуиария по Апостоле. Напомню: из текста 5-й соловецкой челобитной следует, что в 1668 г. в новообрядческом богослужении употреблялась формулировка «Псалом Давыдов, аллилуия» (вместо более ранней формы «Аллилуия, псалом Давыдов», см. *Прибавление*), которая соловецкими иноками была воспринята как новая. По-видимому, новообрядцами эта формулировка позднее была изменена, поскольку сейчас в новообрядческом богослужении её нет. С этого момента формула «Псалом Давыдов, аллилуия» стала маркером старообрядческого чинопоследования. А в вопросе о 9-м часе, который по соловецкому уставу нужно читать после Божественной Литургии, а не перед ней, мой Оппонент подозревает происки *«той самой проникновской партии в [соловецкой] обители»*. Замечу, кстати, что приводимый мной источник, соловецкий устав РГБ. Ф. 775. № 21, датируется серединой 17 в., как и предположил мой Оппонент (но не 2-й его половиной: *«Но судя по палеографическим признакам., рукопись относится как раз примерно к середине – 2-й пол. XVII столетия»*). Поэтому «никонианской диверсии» в нем содержаться не может никоим образом. К тому же, данный список не уникален, а, напротив, является типичным и в чтении о 9-м часе совпадает с тремя другими известными списками соловецкого устава начала и середины 17 в. (см. *Прибавление*)

Следующей обителью, богослужебные обычаи которой не внушают доверия уважаемому Оппоненту, опять по вопросу о 9-м часе, а также о поклонах на шестопсалмии (см. *Прибавление*), оказывается Троице-Сергиева лавра. Причина недоверия — в известном споре вокруг sprawy Потребника, который разгорелся между рядом лаврских иноков, среди которых наиболее знаменит троицкий уставщик и головщик Лонгин Корова, и архимандритом Дионисием (Зобниновским). Спор окончился осуждением на соборе 1619 г. Лонгина и его сотрудников.

О споре Лонгина и архимандрита Дионисия известно только из жития последнего, притом из той части жития, которая была написана справщиком Иваном Наседкой. Примечательно, что Арсений Глухой назвал Ивана Наседку «лукавой лисицей»: как известно, Иван Наседка входил в комиссию 1615 г. по исправлению печатных книг, все члены которой были обвинены в порче книг и подверглись различным наказаниям — но не Иван Наседка. Поскольку впоследствии ему нужно было дать этому факту удовлетворительное объяснение, то он не нашел ничего лучше, как возложить всю вину на троицкого головщика и уставщика Лонгина. Складывается впечатление, что характеристика Лонгина — это свидетельство обычной борьбы двух партий: как часто оказывается в истории — прав тот, кто оказался у власти.

Но, опасаясь всецело проникающего в лаврские рукописи влияния Лонгина, мой Оппонент пишет: *«В контексте чего [т. е. спора и последовавшего осуждения], если*

можно так выразиться, образцовость абсолютно всех текстов, происходящих из Сергиевой обители 1-й пол. XVII столетия, как минимум, под сомнением. Ведь некоторые из них могут быть связаны с соборно осуждёнными Коровой и иже с ним. Как видно, в основе суждения вновь оказывается не изучение литургических источников и исторической канвы — последняя, кстати, явно обнаруживает в принятии соборного решения 1619 г. политическую составляющую — а сам факт осуждения Лонгина. Который (т. е. факт) и снимает (*очень удобно!*) необходимость дальнейших исследований — несмотря на оставшиеся в Потребнике неувязки: например, почему из чина великого освящения воды вместе с изъятием слов «и огнем» не было изъято и знаменование воды возженными свечами, по смыслу явно соотносимое с ними (тогда как текст «Духом Твоим Святым» коррелирует с крестообразным дуновением на воду)?

В принципе, подход, который мой решительный Собеседник применяет к трактовке лаврских источников 1-й пол. 17 в., не нов: например, в сер. 17 в. им, ратуя за наречное пение, пользовался известный полемист инок Евфросин. Нимало не смущаясь, он обвинил Схарию жидовина и прочих жидовствующим в порче всех (!) певческих книг. Следуя этой логике, следовало бы не только уничтожить тираж лонгиновского Устава 1610 г., и но вообще все лаврские рукописи нач. 17 в.! А в свое время — очевидно, и новгородские рукописи, написанные после 15 века — поскольку наверняка ведь и они все перепорчены еретиками-стригольниками и позже — жидовствующими.

Раздел ответа, посвященный апологии наречного пения, признаться, с нетерпением и довольно давно мной ожидавшийся, порядком разочаровал... Вопреки надеждам увидеть листы рукописей, претендующих на звание «дораскольных наречных» — с датами в тексте, многолетиями с упоминанием патриархов Иосифа или даже Филарета и т. п., которые нужно было бы бежать смотреть и датировать в библиотеку, — мой Оппонент представил лишь два фрагмента, которые рассматривать в качестве серьезных аргументов ну просто несерьезно. Датировка у обоих широкая — «17 век». Понимай как хочешь (с любого конца «бунташного» века). Первый пример — это фрагмент Великого Славословия, без помет; песнопение речитативное, посему оно изложено наречью даже и в наонной традиции, как и другие песнопения этой стилистики, в напеве которых не задействованы попевки столпового роспева («Единородный Сын», «Придете поклонимся», например). Второй пример — фрагмент пометной рукописи, скорее всего (судя по почерку, близкому к скорописи, — послераскольная, но для точной «диагностики», конечно нужно видеть её целиком). И далее — уже звучавшая риторика по мотивам протопопа Аввакума с привнесением откровенно публицистических и абсолютно ненаучных выкладок автора «Послания патриарху Гермогену» и вышеупомянутого инока Евфросина.

Дальнейший пассаж: *«Но не могли ли выраженные в двух процитированных выше источниках идеи быть воплощены в реальной певческой практике и, как минимум, в начале XVII века? Аввакум говорит, что это происходило ещё ранее, единоверцы ему не верят, старообрядцы – поповцы (а также некоторые из беспоповцев, есть ведь и поморцы – «наречники») не только доверяют, но и делом последуют. Наверное, для выяснения всей полноты картины остаётся надеяться на дальнейшие объективные исследования»* вызывает только один вопрос: что же вы до сих пор этот вопрос не изучили? ведь полемика не утихает, а сказать, по сути, нечего... Вот как бы источники привести! Но предупреждаю, хотя и не *«простудировав до последнего листочка все архивы и библиотеки. Чего реально пока никому не удавалось»*, но все же ознакомившись с немалой частью рукописного наследия наших мастеропевцев: пока еще в *«моря хомонии»* не обрелось той самой «капли» наречных источников, достоверно относящихся к дораскольному времени, которая могла бы подвести под тезис о древности

наречного пения хоть сколько-то надежные основания. Так что он так тезисом и остается...

В завершающей части ответа-рецензии мне был задан прямой вопрос: почему в докладе не указаны заимствования старообрядцами новообрядческих особенностей богослужения, хотя тезис такой — озвучен? Отвечаю: по той причине, что доклад предназначался в первую очередь единоверцам. Но уж коль скоро зашла речь, приведу некоторые примеры, они касаются заимствования из богослужения по новому обряду способа исполнения ряда текстов. В рукописных певческих Обиходах встречается «Ныне отпускаеши» в крюковой нотации — очевидно, дабы петь, а не читать этот текст — совсем как у новообрядцев! На Литургии в поповских храмах изобразительные антифоны также ныне принято петь — на глас или на подобен. Псалом 33-й старообрядцы-поповцы тоже не читают, а поют на глас 7-й, и на тот же 7-й глас (совсем не по уставу, а по известно откуда взявшемуся «обычаю») поют стихи «Положи Господи хранение» и проч. на Литургии Преждеосвященных Даров. Все эти тексты принято именно петь, а не читать и не возглашать, в новообрядческих храмах... И, конечно же, отмена различия в произношении букв «есть» и «ять» — это все из той же серии.

Приведенная в *эпизоде* ответа «**аналогия из области архитектурной реставрации**», а также упоминание о реставраторских методах советского, а также и более раннего времени после всего, сказанного о наречном пении, звучит удивительно к месту. И беззаветная вера Автора ответа и моего уважаемого Оппонента в существование древних наречных крюковых рукописей поразительно походит на «**поиски града Китежа в водах Светлояра**» (так сильно верят, что даже искать не считают нужным!). Но удивительно все же, как можно столь сильно быть уверенным в собственной правоте, чтобы настолько решительно пренебрегать не скажу научными доводами — но и здравым смыслом...

С наилучшими пожеланиями — *В. Григорьева*.

P.S. В нашей (единоверческой) ситуации реконструкция неизбежна, но в основе её должны быть квалифицированные исследования, коллегиальное и соборное обсуждение, практический богослужебный опыт. Надеюсь, что высказанные Автором ответа соображения и примененные им полемические приемы послужат хорошей прививкой против предвзятого, политизированного, а также неоправданно избирательного отношения к источникам. Старообрядцам-поповцам же большое «спаси Христос!» за то, что с минимальными утратами, а также с большими приобретениями (*это я про наречное пение*) донесли до нас богослужебную традицию весьма примечательного и по-своему яркого среза времени — самой середины 17 столетия.

Ниже прилагаю Прибавления по нескольким пунктам полемики: о 9-м часе, об антифонах на Литургии, о порядке возглашений прокимна и аллилуиария, о Великом входе, о поклонах на шестопсалмии.

Часть материалов из рукописных и печатных источников была любезно предоставлена мне Д. А. Григорьевым. Прилагаю также его отдельную статью о «переносе» — Великом входе.